

Информационное общество и СМИ

**«ЗАКОН О ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЯХ» С ПОЗИЦИЙ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ**

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета А.Н. Райковым 15.11.2019

Ефанов Александр Александрович

Кандидат социологических наук

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», департамент медиа,
доцент*

Москва, Российская Федерация

yefanoff_91@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется принятый в 2019 году так называемый «Закон о фейковых новостях». Автором обосновываются его основные методологические коллизии. Указывается на непроработанность законопроекта на уровне оперирования категорией «фейк». Автор применяет концепт псевдо-новости как дискретно существующей разновидности новости, структурно и формально соответствующей новостному посланию, но содержательно противоречащей главным признакам новости (объективности, достоверности, отражению текущей действительности), в рамках которой выделяются два типа: фейк и постправда. Обращается внимание, что если фейк является следствием непреднамеренности действий медиаконтролеров (погоня за сенсацией, низкий уровень профессионализма, проявляющийся в отсутствии навыков верификации фактологических данных), то постправда представляет собой результат спланированности техник, конечной целью которых становится осознанная дезинформация аудитории. Исходя из непосредственно текста «Закона о фейковых новостях» и той риторики, которой сопровождалось его обсуждение парламентариями, под недостоверным информационным сообщением, способным нарушить общественный порядок и призвать людей к экстремистской деятельности, скрывается понятие не фейка как такового, а именно постправды. Постправда, приобретающая легитимный дискурс, способна породить массовые беспорядки и осуществлять манипулирование сознанием. Эти два в корне противоположных понятия в тексте документа подменяются друг другом, и со стороны авторов законопроекта им не уделяется должного методологического внимания. Прогнозируется, что принятый закон обусловит возникновение трансформационных процессов как в медиаиндустрии (переопределение акторов медиaprостранства), так и в социальной структуре российского общества (на уровне медиапрактик, политических ориентаций и проч.).

Ключевые слова

Закон о фейковых новостях, фейк, постправда, псевдо-новость, медиа

Законодательный дискурс

29 марта 2019 года на территории Российской Федерации вступил в силу так называемый «Закон о фейковых новостях», официальное название которого звучит следующим образом: «Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Изначально идея о введении подобного закона возникла еще в июле 2017 года, когда члены партии «Единая Россия» С. Боярский и А. Альшеевских внесли в Государственную думу законопроект, регулирующий социальные сети [9]. Изначально их документ был раскритикован Государственно-правовым управлением Президента (ГПУ). Отредактированный законопроект авторы представили повторно 4 апреля 2018 года, но документ снова был отклонен. Одной из главных неточностей законотворческой инициативы комитет по информационной политике Госдумы назвал

© Ефанов А.А., 2020. Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

неопределенность некоторых терминов (например, «публичная сеть» и «оператор социальной сети»)¹.

12 апреля 2018 года Государственная дума приняла в первом чтении законопроект об удалении недостоверной информации из социальных медиа, предполагающий «дополнительные обязанности для владельцев соцсетей, обязывая их, в частности, аннулировать недостоверную информацию по требованию уполномоченных госорганов» [2]. Глава комитета по информационной политике Госдумы Л. Левин сослался на «волны фейков» после пожара в ТРЦ «Зимняя вишня» [12], когда в результате умалчивания о трагедии федеральными СМИ и властными структурами сразу после случившегося «в Интернете на ряде порталов и в социальных сетях началась медиамистификация конструируемой картины по поводу количества жертв трагедии с акцентом на полную дезинформацию со стороны официальных источников» [3, с. 55]. Информационные «вбросы» о количестве жертв стали свидетельством инспирирования разновидности моральной паники – панических социальных настроений, – представляющей собой такую форму коллективного поведения, как круговая реакция, при которой «взаимное возбуждение индивидов приобретает круговую форму – субъекты отражают аффективные реакции друг друга и интенсифицируют их. Основным акцент делается на бесконтрольность, когда общественными движениями в ходе «крестовых походов» начинает управлять инстинкт самосохранения» [5, с. 54]. Законопроект об удалении недостоверной информации из социальных медиа можно считать прообразом «Закона о фейковых новостях» (вероятно, по данной причине он прошел только первое чтение и был в дальнейшем представлен в несколько измененном виде).

Так, документ, предполагающий введение штрафов за публикацию недостоверных и искажающих фактов, был внесен в Государственную думу 12 декабря 2018 года. Авторами законопроекта стали сенаторы А. Клишас, Л. Бокова и депутат Госдумы Д. Вяткин. В частности, А. Клишас указывал на опасность «распространения фейков под видом достоверных сообщений» [1], поскольку последствия, по его словам, могут быть фатальными: угроза жизни и здоровью населения, массовые протесты и беспорядки, угроза безопасности и экстремистская деятельность. Изначально законодательная инициатива предполагала штраф до 1 млн. рублей за распространение в интернете и средствах массовой информации заведомо ложных сообщений под видом правдивых фактов, а также ограничение доступа к ресурсу.

14 января 2019 года комитет по информационной политике, информационным технологиям и связи Госдумы принял решение на время отложить рассмотрение законопроекта об ответственности за распространение фейковых новостей до официального одобрения Правительства РФ. А уже 21 января после соответствующего письма комитет поддержал законопроект о распространении фейковых новостей и рекомендовал его к первому чтению. Уже 24 января законопроект был принят Госдумой в первом чтении.

После этого Совет при Президенте РФ по правам человека (СПЧ) провел экспертизу концептуальной основы законопроекта и в экспертном заключении потребовал исключения из текста понятий, «не имеющих легального определения и страдающих высоким уровнем правовой неопределенности», таких как «заведомо недостоверная информация» (поскольку проблематично проверить факт наличия умысла). Кроме того, по мнению представителей СПЧ, самым эффективным способом борьбы с распространением фейковых новостей является наличие независимой экспертной точки зрения, а также оперативное опровержение или предоставление полной информации со стороны официальных каналов [11]. Таким образом, в СПЧ обратили внимание на тот факт, что данный законопроект дает возможность властям произвольно преследовать граждан или организации.

Помимо этого, эксперты обращают внимание, что обложение высокими штрафами в результате непреднамеренно допущенной ошибки станет для независимых медиа, не имеющих крупных учредителей или спонсоров, настоящим бременем и, как следствие, может привести к банкротству. В СПЧ также сделали акцент на нарушении основ Конституции в части свободы слова, вероятно, указывая на отсутствие методологических критериев при квалификации того или иного медиасообщения как фейка, когда уполномоченные органы могут руководствоваться собственными убеждениями либо оперировать фактором приверженности издания той или иной редакционной политике.

¹ Прим. Данная неопределенность во многом сохранилась и в «Законо о фейковых новостях».

13 февраля 2019 года в Государственную думу были внесены поправки в законопроект о фейковых новостях, которые предполагали увеличение штрафа для граждан до ста тысяч рублей. 27 февраля глава комитета по информационной политике Госдумы Л. Левин предложил вывести из-под действия законопроекта о распространении фейковых новостей «традиционные СМИ» (телеканалы, радиостанции и печатные СМИ) и дать им «право на ошибку» [13]. У интернет-ресурсов, зарегистрированных как сетевое издание, будут сутки для удаления «недостовверной информации» после уведомления от Роскомнадзора. По словам Л. Левина, это важно для сохранения свободы слова. Все другие сайты и аккаунты пользователей будут блокироваться немедленно.

5 марта 2019 года комитет по информационной политике Госдумы рекомендовал к принятию во втором чтении законопроект о распространении фейков. 6 марта парламентарии одобрили его (и поправки об ужесточении штрафов) во втором, основном чтении. А 7 марта Государственная дума приняла законопроект в третьем, заключительном чтении. Документ поддержали 71,6 % депутатов, а 17,3 % выступили против. Воздержавшихся не было. 18 марта 2019 года Президент В. Путин подписал закон.

Методологическая коллизия

В окончательном варианте «Закон о фейковых новостях» устанавливает административную ответственность за публикацию «недостовверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи» [14].

При нарушении закона предусматривается блокировка ресурса (сетевого издания, аккаунта в социальных сетях, канала в мессенджере или на YouTube), опубликовавшего недостовверную информацию, а также обложение штрафом (по сравнению с первоначальной редакцией его размер был снижен). При первом факте преступной деятельности физическому лицу придется заплатить до 100 тыс. рублей, а юридическому – до 500 тыс. рублей (должностному лицу – до 200 тыс. рублей). При этом имеется важное уточнение: если опубликованная информация повлекла за собой тяжелые последствия для общества, размер штрафа может быть увеличен в 3-4 раза.

Закон разрешает осуществлять блокировку ресурса, минуя решение суда. Согласно новым правилам, прокуратура подает предписание в Роскомнадзор, который, в свою очередь, уведомляет учредителя о необходимости удаления контента, признанного недостовверным. Однако если подобные действия со стороны владельцев не последуют, ресурс может быть заблокирован. Для этого была создана специальная информационная система, с помощью которой появилась возможность зафиксировать дату и время обращения Роскомнадзора.

Несмотря на возникающий ряд вопросов относительно реализации закона (как в части технических возможностей и опыта сотрудников соответствующих органов – на предмет квалификации информации как недостовверной и установления степени ее вреда для общества), особого внимания заслуживает оперирование категорией «фейк», которая появилась в правовом поле и конституировалась в процессе обсуждения законопроекта и его последующего принятия (в самом тексте данное слово как таковое отсутствует). Как объясняет председатель комитета по информационной политике Госдумы Л. Левин, под фейками будет пониматься «заведомо недостовверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу» [18] здоровью и жизни граждан, общественному порядку и т.д.

В указанном аспекте заложена основная методологическая коллизия (вероятно, связанная с недостаточной проработанностью законопроекта – на уровне привлечения экспертов, занимающихся проблематикой фейковых новостей). Согласно авторскому определению концепта псевдо-новости как «дискретно существующей разновидности новости (будучи формально (по структуре) построенным как новостное послание (аналогичные композиция, стилистика, основные элементы, диалектический ответ на триаду вопросов: что? + где? + когда?), псевдо-новостное сообщение содержательно противоречит главным признакам новости (объективности, достоверности, отражению текущей действительности))» [6, с. 163], выделяется две разновидности: фейк и постправда.

Хронологически первым было подвержено научному обоснованию явление фейка (в переводе с английского языка лексема «*fake*» означает «поддельный, фальшивый, ложный, фиктивный, ненастоящий, подложный, притворный»), которое стало предметом медиакоммуникационных исследований с начала 2010-х годов [20, р. 210-212]. Основной платформой для «фейковизации» О.С. Иссерс называет интернет, а среди причин указывает на быструю скорость подачи контента: «В современных онлайн-медиа она такова, что у авторов, редакторов, контент-менеджеров просто нет времени на проверку фактов и достоверности таких новостей. Сенсационное сообщение первым уходит в новостные ленты и распространяется по Сети со скоростью света, а оттуда проникает в другие медиа – телевидение и газеты» [8, с. 113].

С.Н. Ильченко впоследствии уточняет, что фактор целеполагания при «фейковизации» «со стороны представителя медиа не является необходимым условием для квалификации полученной от него информации как фейка. То есть вовсе не обязательно видеть в факте появления фейка на полосе газеты или журнала, в радио- или телеэфире, на сайте информагентства злой умысел, в соответствии с которым автор сообщения намеренно исказил событийную фактуру, свидетельства очевидцев, статистику и цифры» [7, с. 27]. Иными словами, медиафейк является следствием журналистской депрофессионализации, особенно отчетливо проявляющейся в поле интернета, в результате чего наблюдается усиленное медиатражирование информации, не соответствующей «каноническим» признакам объективности и достоверности. Вероятно, подобная проблема возникает из-за неумения сотрудников некоторых веб-изданий работать с фактологической информацией, отсутствия навыков верификации полученных данных.

Что касается второй разновидности псевдо-новости, понятие постправды (*post-truth*), появившись в 1992 году после публикации эссе С. Тезича в журнале «*The Nation*» («*Мы, свободные люди, добровольно приняли решение, что хотим жить в некоем мире постправды*» [19]), стало по версии экспертов «Оксфордского словаря» главным и наиболее употребительным словом 2016 года [10] как в публикациях СМИ (на протяжении всего электорального марафона Д. Трампа и после его победы на выборах), так и в работах ученых – социологов, политологов, лингвистов. При этом научному осмыслению данный феномен подвергали преимущественно зарубежные исследователи.

Концептуализация явления постправды в российской науке принадлежит С.В. Чугрову. В контексте политической социологии и коммуникологии он характеризует постправду как «особую квазиреальную среду», «постмодернистскую девиацию, деформированное и стереотипизированное состояние сознания, в котором стереотипы уже оторвались от реальных образов». По мнению ученого, «постправда – это некий контекст, модальность, ситуация, которые делают возможным распространение ложных новостей, причем не предполагающих за это ответных санкций. В таком модальном (релятивистском) контексте не имеет значения, правдива ли новость или нет. Важно, чтобы она соответствовала двум условиям: эмоциональному настрою потребителя информации и политическим целям коммуникатора» [17, с. 42]. На основе стереотипизированного медиавосприятия формируется «общество постправды».

Таким образом, основное отличие заключается в следующем: если фейк может являться следствием непреднамеренности действий медиаконтролеров (погоня за сенсацией, низкий уровень профессионализма, проявляющийся в отсутствии навыков верификации фактологических данных), то постправда представляет собой результат спланированности техник, конечной целью которых становится осознанная дезинформация аудитории. В конечном итоге системное конструирование явлений псевдо-новости приводит к депрофессионализации, дискредитации работников сферы медиа и деинституционализации журналистики, усиливая «кризис доверия» к СМИ [4, с. 314].

Вероятно, исходя из непосредственно текста и той риторики, которой сопровождалось обсуждение парламентариями закона и его принятие, под недостоверным информационным сообщением, способным нарушить общественный порядок и призвать людей к экстремистской деятельности, скрывается понятие не фейка как такового, а именно постправды. Постправда, приобретающая легитимный дискурс, способна породить массовые беспорядки и осуществлять манипулирование сознанием. Эти два в корне противоположных понятия в тексте документа подменяются друг другом, и со стороны авторов законопроекта им не уделяется должного методологического внимания.

Закон в действии

Несмотря на то, что за первые полгода своего существования в России пока отсутствуют резонансные кейсы, связанные с применением «Закона о фейковых новостях», подобным прецедентом вполне может стать ужесточение наказания для новостных агрегаторов (таких как «Яндекс.Новости», «Рамблер/Новости» и др.) – автоматизированных систем, структурирующих новостную ленту посредством обращения к сотням информационных ресурсов. Если изначально авторы законопроекта предполагали не распространять на них действие данного нормативно-правового акта, то позднее парламентарии исключили подобный пункт из текста, решив организовать общественное обсуждение вопроса путем привлечения к открытой дискуссии представителей исполнительной власти, ученых, а также медиаменеджеров.

Что касается общественного мнения, согласно результатам представительных опросов ВЦИОМ в 2019 году, около половины респондентов (49 %) уверены, что «можно отличить фейковые новости от достоверных, при этом среди молодежи (18-24 лет) доля значительно выше – 65 %. Обратного мнения придерживаются 42 % респондентов, утверждая, что нельзя отличить достоверную информацию от недостоверной» [16]. Однако за последние два года «с недостоверными новостями в Интернете сталкивались 31 % россиян, причем среди людей с высшим образованием эта доля выше – 38 %. Каждый пятый (20 %) опрошенный встречал подобные новости на телевидении (26 % среди людей с высшим образованием). Еще 7 % замечали новости, не соответствующие действительности, в газетах, а 5 % – на радио» [15]. Полученные результаты также свидетельствуют о необходимости равносильного применения закона к так называемым «традиционным» СМИ – телевидению, радио и печатной прессе. Авторский опыт медиаисследований [6] подтверждает факты конструирования «традиционными» СМИ (преимущественно федеральными телеканалами) явлений псевдо-новости, в том числе постправды.

При этом исследования ВЦИОМ заставляют обратить внимание еще на один аспект, связанный с некорректностью методологической квалификации. В пресс-релизе указано: «По мнению 74 % тех, кто сталкивался с недостоверными новостями в СМИ и Интернете, в большинстве случаев такие новости были опубликованы умышленно (84 % среди 35-44-летних)» [15]. В подобном понимании правомочным будет оперировать категорией «постправда» либо обозначать все явления как «псевдо-новость», а затем с позиций фактчекинга проводить их квалификацию.

Высказанные замечания во многом носят дискуссионный характер. Однако безусловным считается сам факт принятия закона и его влияние не только на функционирование российского медиапространства, но и всего общества в целом, поскольку каждый индивид является потребителем тех или иных медиапродуктов (преимущественно новостного характера). В этой связи можно предположить о возникновении трансформационных процессов как в медиаиндустрии, так и в социальной структуре (на уровне медиапрактик, политических ориентаций и проч.).

Литература

1. В Госдуму внесли законопроекты о наказании за фейковые новости // Интерфакс. 2018. URL: <https://www.interfax.ru/russia/641957> (дата обращения: 15.09.2019).
2. Госдума приняла в первом чтении законопроект об удалении недостоверной информации из соцсетей // Медуза. 2018. URL: <https://meduza.io/news/2018/04/12/gosduma-prinyala-v-pervom-chtenii-zakon-ob-udaleni-nedostovernoy-informatsii-iz-sotssetey> (дата обращения: 14.09.2019).
3. Ефанов А.А. Медиамистификация посредством пранкинга и троллинга: социологический взгляд на медиаэкологическую проблему // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2018. № 2. С. 54-61.
4. Ефанов А.А. Между фейком и «постправдой»: особенности конструирования псевдо-новости в современном медиапространстве // Век информации. 2018. № 2. Т. 1. С. 313-314.
5. Ефанов А.А. Социальные последствия медиавоздействия: Монография. М.: ФЛИНТА, 2019. 272 с.
6. Ефанов А.А. Функционирование псевдо-новости в полях телевидения и Интернета: типология, практики, социальные эффекты // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 1. С. 156-165.

7. Ильченко С.Н. Фейк в практике электронных СМИ: критерии достоверности // Медиаскоп. 2016. № 4. С. 24-28.
8. Иссерс О.С. Медиафейки: между правдой и вымыслом // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 112-123.
9. Кремлевским юристам не хватает порядка блокировки контента // Коммерсант. 2018. № 63. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3600269> (дата обращения: 16.09.2019).
10. Палий О.Л. «Post-truth»: история слова года (2016) по версии Оксфордского словаря английского языка // Безопасность, личность, общество: социально-правовые аспекты. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2016. С. 153-157.
11. СПЧ указал на недостатки законопроектов о фейках и неуважении к госсимволам // Интерфакс. 2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/647542> (дата обращения: 18.09.2019).
12. Трагедия в Кемерово. Хроника событий // ОТР. 2018. URL: <https://otr-online.ru/news/tragediya-v-keмерово-100965.html> (дата обращения: 20.09.2019).
13. Традиционным СМИ дадут право на ошибку // Ведомости. 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/02/27/795261-traditsionnie-smi> (дата обращения: 17.09.2019).
14. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 18.03.2019 № 31-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (дата обращения: 19.09.2019).
15. «Фейк-ньюс»: масштаб проблем // ВЦИОМ. 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9660> (дата обращения: 14.09.2019).
16. Фейк-ньюс: мнение россиян о новом законе // ВЦИОМ. 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9603> (дата обращения: 12.09.2019).
17. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42-59.
18. Штрафы за фейкньюс и оскорбление власти будут повышены в десятки раз // Ведомости. 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/03/05/795710-shtrafi-feiknyus-i-vlasti-povisheni-neskolko-raz> (дата обращения: 11.09.2019).
19. Flood A. "Post-truth" Named Word of the Year by Oxford Dictionaries // The Guardian. 2017. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries> (date of the application: 22.01.2018).
20. Pochepstov G. The Origins of Fake and Alternative Facts Can Help Us Understand the Concept of Post-Truth // Russian Journal of Communication. 2017. Vol. 9. № 2. P. 210-212.

“FAKE NEWS ACT” FROM THE STANDPOINT OF METHODOLOGICAL CORRECTNESS

Yefanov, Aleksandr Aleksandrovich

Candidate of sociological sciences

National Research University Higher School of Economics, Department of media, associate professor

Moscow, Russian Federation

yefanoff_91@mail.ru

Abstract

The article analyzes the so-called “Fake News Act” adopted in 2019. The author clarifies its main methodological conflicts and accents unsettled nature of this act at the level of using of the term “fake”. The author applies the concept of pseudo-news as a discretely existing kind of news, which corresponds structurally and formally to the news message, but contradicts substantively the main features of the news (objectivity, reliability, reflection of current reality). Two types are distinguished in this context: fake and post-truth. Attention is drawn to the fact, that if a fake is a consequence of the unintentional actions of media controllers (the pursuit of sensation or a low level of professionalism, which is manifested in the absence of skills for verifying factual data), then post-truth is the result of a planned technique, the ultimate goal of which is deliberate misinformation of the audience. Proceeding directly from the text of the “Fake News Act” and the rhetoric, that accompanied its discussion by parliamentarians, an unreliable information message, that could disrupt public order and encourage people to extremist activities, hides the concept of not fake as such, but exactly post-truth. Post-truth, acquiring a legitimate discourse, is able to create riots and manipulate the mind. These two fundamentally opposite concepts in the text of the document are replaced by each other, and they do not receive proper methodological attention from the authors of the act. It is predicted, that the adopted law will lead to the emergence of transformational processes both in the media industry (redefinition of media actors) and in the social structure of Russian society (at the level of media practices, political orientations, etc.).

Keywords

Fake News Act, fake, post-truth, pseudo-news, media

References

1. V Gosdumu vnesli zakonoprojekty o nakazanii za feykovyye novosti // Interfaks. 2018. URL: <https://www.interfax.ru/russia/641957> (data obrashcheniya: 15.09.2019).
2. Gosduma prinyala v pervom chtenii zakonoprojekt ob udalenii nedostovernoy informatsii iz sotssetey // Meduza. 2018. URL: <https://meduza.io/news/2018/04/12/gosduma-prinyala-v-pervom-chtenii-zakon-ob-udalenii-nedostovernoy-informatsii-iz-sotssetey> (data obrashcheniya: 14.09.2019).
3. Yefanov A.A. Mediamistifikatsiya posredstvom prankinga i trollinga: sotsiologicheskii vzglyad na mediaekologicheskuyu problemu // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika. 2018. № 2. S. 54-61.
4. Yefanov A.A. Mezhdru feykom i «postpravdoy»: osobennosti konstruirovaniya psevdonovosti v sovremennom mediaprostranstve // Vek informatsii. 2018. № 2. T. 1. S. 313-314.
5. Yefanov A.A. Sotsial'nyye posledstviya mediavozdeystviya: Monografiya. M.: FLINTA, 2019. 272 s.
6. Yefanov A.A. Funktsionirovaniye psevdonovosti v polyakh televideniya i Interneta: tipologiya, praktiki, sotsial'nyye efekty // Kommunikologiya. 2018. T. 6. № 1. S. 156-165.
7. Il'chenko S.N. Feyk v praktike elektronnykh SMI: kriterii dostovernosti // Mediaskop. 2016. № 4. S. 24-28.
8. Issers O.S. Mediafeyki: mezhdru pravdoy i vymyslom // Kommunikativnyye issledovaniya. 2014. № 2. S. 112-123.
9. Kremlevskim yuristam ne khvatayet poryadka blokirovki kontenta // Kommersant. 2018. № 63. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3600269> (data obrashcheniya: 16.09.2019).

10. Paliy O.L. «Post-truth»: istoriya slova goda (2016) po versii Oksfordskogo slovarya angliyskogo yazyka // Bezopasnost', lichnost', obshchestvo: sotsial'no-pravovyye aspekty. Sbornik statey po materialam Vserossiyskogo kruglogo stola. SPb.: Izdatel'skiy dom «Petropolis», 2016. S. 153-157.
11. SPCH ukazal na nedostatki zakonoprojektov o feykakh i neuvazhenii k gossimvolam // Interfaks. 2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/647542> (data obrashcheniya: 18.09.2019).
12. Tragediya v Kemerovo. Khronika sobytij // OTR. 2018. URL: <https://otr-online.ru/news/tragediya-v-kemerovo-100965.html> (data obrashcheniya: 20.09.2019).
13. Traditsionnym SMI dadut pravo na oshibku // Vedomosti. 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/02/27/795261-traditsionnie-smi> (data obrashcheniya: 17.09.2019).
14. Federal'nyy zakon «O vnesenii izmeneniy v stat'yu 15.3 Federal'nogo zakona «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» ot 18.03.2019 № 31-FZ (poslednyaya redaktsiya) // Konsul'tantPlyus. 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (data obrashcheniya: 19.09.2019).
15. «Feyk-n'yus»: masshtab problem // VTSIOM. 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9660> (data obrashcheniya: 14.09.2019).
16. Feyk-n'yus: mneniye rossiyan o novom zakone // VTSIOM. 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9603> (data obrashcheniya: 12.09.2019).
17. Chugrov S.V. Post-truth: transformatsiya politicheskoy real'nosti ili samorazrusheniye liberal'noy demokratii? // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2017. № 2. S. 42-59.
18. Shtrafy za feyk-n'yus i oskorbleniye vlasti budut povysheny v desyatki raz // Vedomosti. 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/03/05/795710-shtrafi-feiknyus-i-vlasti-povisheni-neskolko-raz> (data obrashcheniya: 11.09.2019).
19. Flood A. "Post-truth" Named Word of the Year by Oxford Dictionaries // The Guardian. 2017. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries> (date of the application: 22.01.2018).
20. Pocheptsov G. The Origins of Fake and Alternative Facts Can Help Us Understand the Concept of Post-Truth // Russian Journal of Communication. 2017. Vol. 9. № 2. P. 210-212.